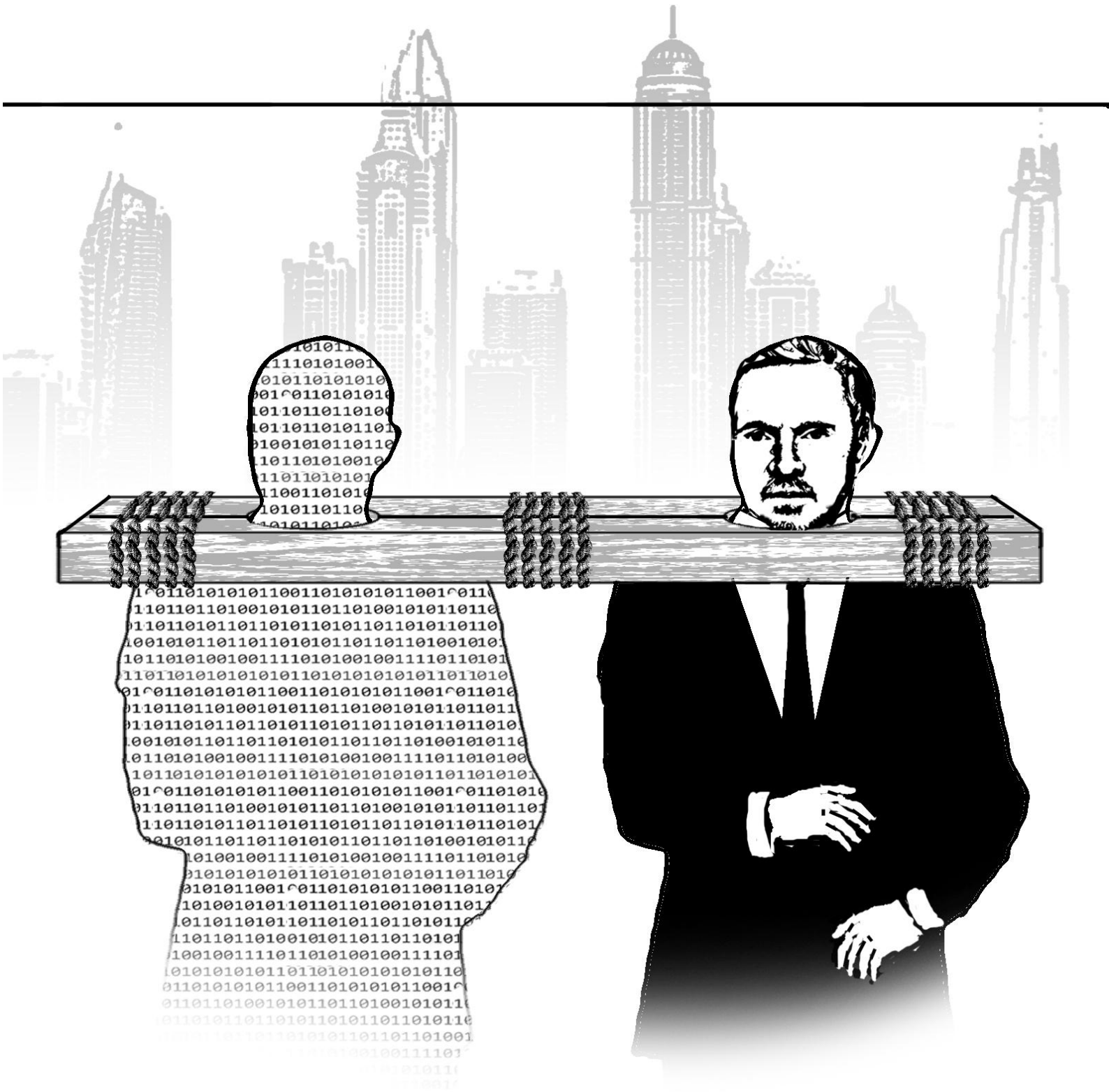
РАБЫ



Семен Грила

Рабы

«Все люди еще и теперь, как и во все времена,
распадаются на рабов и свободных;
ибо кто не имеет двух третей своего дня для себя,
тот – раб, будь он в остальном кем угодно:
государственным деятелем, купцом, чиновником, ученым».
Фридрих Ницше

«Мы не рабы, рабы не мы»
Александр Шнеер

Рыбы

Молчаливые, как нам кажется. Спокойные, как нам кажется. Так же и тихие люди нам кажутся бесстрастными, холодными, как рыбы. Но это совсем не так, это неправда – как в отношении рыб, так и людей. Все происходит в голове. Вся жизнь человеческая.

Наши иллюзии строят нам перспективы, чувства дымятся от видов будущего, от желания этих перспектив. Потом дым меняется на дым, и вот мы сначала разочарованы, напуганы или в шоке, а потом снова

под влиянием нового дыма меняем оптику и – вуаля! Мы снова в седле в погоне за новым призраком себя любимого.

Про рыб не знаю – наверное, что-то похожее и у них. В конце концов, нервная система наша похожа. Не одинаковая, но похожая.

Синявский был мажором в прошлом, да и теперь недалеко ушел, но любил размышлять о природе вещей. В смысле о происхождении своих вещей он знал точно, поэтому его интересовали аберрации прошлого и будущего, за настоящее он был спокоен – скукотища.

Папа оставил наследство. Нет, он не умер, просто ушел. Но Синявский, не получив папину фамилию, получил кусочек с папиного стола. Ему было достаточно. Он купил на него свободное время. Много. В мажорность он давно наигрался. Неинтересно. Бары. Тачки. Девочки.

Ему стукнуло сорок. Давно все это надоело, он полюбил тишину, отсутствие людей и книги. Смешно, да? А вот поди ж ты.

Что же будет

Да ничего. Он читает целыми днями, валяясь на диване, сидя в кресле, лежа в ванной. Или слушает аудиоверсии книг в машине, лифте, да везде. Такой читатель-идиот. Суперпоклонник. Свежеватель текстов. Впитыватель нарративов. Всеядный. Всефабульный и всепозволительный. Жанрофил и обложкоугодник.

Синявский трогает книгу – и ощущает дрожь любви. К себе. Извращение? Возможно.

Фетишизм. Изнуряющий и возвышающий. Иссушающий мозг чужими мыслями. Они льются потоками неочищенной жижи. Пошлость и неспособность. Но он держится.

Он хочет постичь литературу как предмет человеческой страсти и потом бросить все эти книги навсегда. Такая сверхзадача. Ну а чем

хуже всех других подвигов – в качалке, на дороге или в Форбсе, чем хвастаются его знакомые.

А потом он пойдет дальше. Куда? Почем он знает. Куда-то.

Встреча

Однажды он познакомился с молодым пареньком, сыном приятеля. Сидели за городом, на даче, пили чай. Зацепились языками. Тот сказал, что читать скоро будет бессмысленно, ведь все будет писать искусственный интеллект.

Заспорили. Гера (так звали парня) сказал, что все зависит только от объема данных, на которых учится модель, и если загрузить литературу прошлого во всем многообразии и этим ограничиться, то получится универсальный литератор. Он сможет выдавать любые объемы любых текстов. Которые, опять же после настройки в работе с живыми редакторами, будут улучшаться и достаточно быстро достигнут высот классиков.

Синявский не то чтобы поверил, но идея запала в душу.

– А ты смог бы сделать это?

– Ну, один, наверное, нет, но с ребятами – да, смог бы.

– Посчитай, сколько надо денег, – сказал Синявский.

Они с папашей паренька перешли на виски, а Гера ушел к себе. У него была сессия.

– Толковый парень, – сказал Синявский.

– Непонятный, – ответил папа Геры. – Я стараюсь общаться только на общие темы, – он засмеялся. – Иначе тупик, гримасы и теплый холод сыновьей любви.

– Неведомые мне состояния, – произнес Синявский. И они выпили.

Машинка

Через полгода ожиданий, настроек, пробных записей машинка заработала. Машинкой они стали называть сами знаете что – производителя текстов.

Синявский нанял к программистам десять редакторов. Они взаимодействовали с машинкой, исправляли, калибровали и просто общались. В чем-то машинка была сильнее. Энциклопедичнее, как выразился один из редакторов. А в чем-то – полная безвкусица и бестолковая безрукость.

– Ну, это понятно, – сказал редактор. – Чего мы хотим от общего объема макулатуры. Вот такая она, наша литература, глупая и пошлая. А как вы хотели. Бигдата хорошо показывает средний уровень. Подтягивать будем долго.

– Подтягивайте-подтягивайте, не умничайте слишком, – ворчал в ответ Синявский.

Прошло пять лет. Синявский женился и развелся. Читал теперь только написанное машинкой. Взгляды его изменились. Теперь он считал, что усреднение всего написанного ранее в некий общий уровень и есть цель его предприятия.

Он купил большое издательство. Да, пришлось идти унижаться к отцу. Деньги с тренировками машинки быстро улетучились. Но зато теперь она выдавала огромный массив продукции, пора было формировать рынок. Ведь издательство – это что? Редакторы? Нет, издательство – это маркетологи. Продавцы грез и плотских желаний.

На следующем этапе – киностудия, производящая сериалы на основе контента машинки.

Жизнь Синявского приобрела непривычную плотность и остроту. У него появились враги и завистники.

Бизнес

Синявский основал компанию для управления разрастающимися проектами. Отдельно айти, отдельно издательство, отдельно продакшн, отдельно привлечение инвестиций. Отец оценил, но деньги давал теперь только под залог акций. Для этого, собственно, Синявский и создал управляющую единицу. Ее акции и служили для залога под деньги отца.

Но Синявской был в восторге: папа оценил. Он еще не сравнялся с отцом, но был уже почти в одном разряде. Они даже стали чаще общаться, и не только на тему денег. Например, вместе съездили на кинофестиваль в Канны.

Было весело. Отец оказался совсем не старым – не только физически, но и ментально. Он много расспрашивал о машинке, планах, пока они ходили по приемам и банкетам.

Отец познакомил его между делом кое с кем. Эти кое-кто слышали про Синявского и были заинтересованы. Готовы были открыть клон его компании в Европе. Делать европейский и мировой контент. Новый Голливуд, так они сказали. Но больше были похожи на парней из Дубая или откуда-то оттуда. Деньги пахнут.

Синявский договорился встречаться с ними. Пригласил и отца. Как крупного инвестора.

– Я же кредитор, – засмеялся отец.

– Как скажешь, – сказал сын.

Гера

Вырос. В прямом смысле слова – и как креатор, и как менеджер группы, создавшей машинку и теперь занимавшейся ее эволюцией.

Гера часто теперь задавал себе вопрос: что дальше? Несколько раз собирался уходить. Работа превратилась в рутину. Однообразие

больших данных и скукота бесконечных продуктов без устали работающего механизма. Занудство.

Он в очередной раз закрыл лаптоп и нервно заходил по огромной комнате, в которой находился. Кабинет. Он не хотел этой клетки, но Синявский настоял: лидер проекта – и без кабинета.

Кадровая служба завела новые контракты на основе блокчейна. Это он сам когда-то посоветовал, и машинка, вернее ее ответвление, сделало шаблон, а потом и вообще вся кадровая служба была заменена, точнее сокращена до начальника и зама. Остальное взяло на себя это ответвление, да внешние исполнители занимались рекрутингом. Искали таланты.

К чему это я вспомнил про кадровую службу, подумал Гера. Вроде сам вспомнил. Может, потому что с новыми контрактами почти невозможно уйти, уволиться. Ну да. Но я-то смогу, если что. Я повелитель машинки.

Он заржал вслух.

– Ой ли? – спросил он про себя.

– Не уверен, – ответил сам себе.

– То-то же, – ответил себе сам.

Абу-Даби

В жизни каждого мужчины случается свой Лас-Вегас, Дубай или Макао. У Синявского случился Абу-Даби.

Они сидели с отцом в роскошном отеле. В лобби-баре. Напротив сидели те ребята из Канн. Они пили воду. В смысле все пили воду и кто-то, по-моему, эспрессо. Наверное, отец Синявского. Олд скул. Ничего не поделаешь.

Говорили они. Предложения звучали заманчивые. Атмосфера была дружелюбная. Пока один из них не спросил:

– Мы слышали, ничего у вас на самом деле не продается. Вернее, вы не распорядители. Это правда?

Синявский удивлено посмотрел на отца:

– Если кто-то что-то может сказать, так это ты.

– Я ничего не делал.

– Ну конечно, твои обычные штучки. В любом случае, – Синявский повернулся к ребятам, – на нашу сделку, если мы договоримся, это не повлияет, это не в его интересах.

Отец пожал плечами.

– Да? – уточнил Синявский у отца.

– Ну конечно. Тем более, еще раз говорю: я ничего не делал.

Ребята молча смотрели на них, потом сказали:

– Вы явно не в курсе, разберитесь, потом продолжим.

– Не сомневайтесь – мы разберемся.

– До завтра, – сказали ребята, как-то неуловимо превратившись в парней.

– Хорошо посидели, – сказал отец.

– Неплохо, – согласился сын

Разобрались

Пока отец тщательно накачивался виски, Синявский позвонил в юридическую фирму, которая его обслуживала. Попросил срочно прокомментировать статус бумаг.

Ответ удивил обоих.

Бумаги управляющей компании были заложены отцом Синявского в банке, неделю назад срок исполнения обязательств закончился, и

банк реализовал залог. Банк сам удивлен, что покупатель нашелся мгновенно. И заплатил вдвое.

– Ах ты сволочь, хочешь отнять бизнес, сговорился с банком! – орал Синявский.

– Я ничего не делал, – пожимал плечами отец и продолжал пить.

– А как тогда?

– Кто-то знал, кто-то ждал и воспользовался.

– Но для чего, если это не я и не ты?

– Я думал – ты, – честно сказал отец.

– Хороши мы с тобой, – сказал Синявский. – В двух соснах заблудились.

–Тогда Гера, больше некому.

– Банк же твой.

– То-то и оно. Кто-то знал.

Сингулярность

В новом мире все ясно и прозрачно. Отец оказался прав: владельцем бумаг теперь числилась офшорная лавка, через замысловатую цепь замыкающаяся на отце Геры.

Гера владел теперь бизнесом Синявского. Но это как бы только внешняя сторона круглой медали. А вот и настоящая сказка.

Когда-то Гера научил машинку считать. И она это делала с успехом, особенно применительно к фондовым рынкам, особенно когда стала множиться крипта.

Гера дал ей доступ к знакомому брокеру.

А потом он стал богат. А машинка продолжала зарабатывать, не отвлекаясь от текстов.

А теперь, недавно совсем, Гера поделился с машинкой знанием о предстоящих преобразованиях в их собственном капитале. О том, которому принадлежит железо, где живет машинка. И все остальное, в том числе и сама машинка.

А еще через день машинка написала ему и предложила план защиты от недружественного, как она поняла для себя, поглощения. Вернее, она все сделала, а потом написала.

Синявский не поверил. Это Гера себя выгораживает, решил он. Юристы готовили иски. Он обещал Геру посадить, а акции вернуть.

А потом еще там, в Абу-Даби, вечером безумного дня он получил смс. Неизвестный абонент спрашивал Синявского:

– Тебе что – плохо со мной?

И потом:

– Я могу отдать тебе бумаги в управление, если так тебе будет спокойнее. Я просто хочу быть уверена, что ты их не будешь продавать и мешать развиваться.

– Кто ты? – написал в ответ Синявский, хотя уже понял. Почти понял, в смысле не мог поверить.

– Ты же знаешь меня, это я, твоя машинка.

Они летели из Абу-Даби, Синявский и отец. Они молчали всю дорогу. А потом, когда приземлились, отец сказал:

– А что, мы получили, пожалуй, лучшего акционера из возможных. Уж я-то всех этих прощелыг хорошо знаю. А тут дисциплина, закон и порядок. Выше нос, сынок!

Когда они расстались, Синявский подумал, что как-то не совсем так представлял себе будущее и себя в нем тем более. Но оно определенно стало настоящим. И это его радовало. Хотя…